ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ [1]).

Первую мысль царя Ивана Васильевича Грознаго о заведеніи въ Москвѣ типографіи относятъ къ 1547-му году. Существуютъ извѣстія, что въ этомъ году посланъ былъ государемъ въ западную Европу для приглашенія въ Россію разныхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ одинъ жившій въ Москвѣ нѣмецъ, по имени Гансъ Шлитте или Шлиттенъ, и что въ числѣ набранныхъ было Шлитте или Шлиттеномъ, но не приведенныхъ въ Россію, ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ былъ типографщикъ. Цѣлая исторія неудачной попытки Шлиттена есть слѣдующая. Прибывъ въ Россію и выучившись русскому языку, онъ получилъ какъ-то доступъ къ царю Ивану Васильевичу. Повѣствуя государю о превосходствѣ жизни западно-европейской передъ русскою (на подобіе того, какъ Лефортъ повѣствовалъ Петру), онъ возбудилъ въ государѣ желаніе перенести эту жизнь въ Россію, въ слѣдствіе чего Иванъ Васильевичъ, принявшій намѣреніе преобразовать свое государство, и отправилъ его въ западную Европу съ тѣмъ, чтобы онъ навербовалъ, для этого дѣла преобразованія Россіи, тамошнихъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ. Отправившись на Западъ, Шлиттенъ явился въ Аугсбургъ къ нѣмецкому императору Карлу V, съ цѣлію испросить у него дозволеніе набрать въ имперіи потребныхъ русскому государю людей. Послѣ совѣщанія съ сеймомъ императоръ далъ просимое дозволеніе, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ученые, художники и ремесленники не были выпускаемы изъ Россіи въ Турцію и вообще чтобы не было

[1]) Эта небольшая статья написана нами нѣсколько времени тому назадъ по одному особому случаю.

употребляемо ихъ способностей ко вреду имперіи [1]). Шлиттенъ набралъ огромную толпу нужныхъ ему людей, изъявившихъ желаніе ѣхать въ Россію, и, прибывъ съ нею въ Любекъ, готовился плыть моремъ въ Ливонію. Но все разрушилось (будто бы) отъ низкой зависти Ганзы. Любчане опасались (-де), что просвѣщенная Россія станетъ болѣе могущественною и болѣе опасною для своихъ сосѣдей; они навязали свой взглядъ императору и кончили тѣмъ, что Шлиттена (будто бы) беззаконно засадили въ тюрьму, а навербованныхъ имъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ заставили разсѣяться [2]). Шлиттеномъ было (будто бы) набрано для Россіи 123 человѣка, и именно: 4 ѳеолога или богослова, 4 медика, 2 юриста, 4 аптекаря, 2 оператора, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 1 плавильщикъ, 2 колодезника, 2 мельника, 3 плотника, 12 каменьщиковъ, 8 столяровъ, 2 архитектора, 2 литейщика, 1 стекольщикъ, 1 бумажный мастеръ, 2 рудокопа, 1 человѣкъ искусный въ водоводствѣ (?), 5 толмачей, 2 слесаря, 2 часовщика, 1 садовникъ для винограда, другой для хмѣля, 1 пивоваръ, 1 денежникъ, 1 пробирщикъ, 2 повара, 1 пирожникъ, 1 солеваръ, 1 карточникъ (?), 1 ткачь, 4 каретника, 1 скорнякъ, 1 маслобой, 1 горшечникъ, 1 *типографщикъ*, 2 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 коренщикъ (?), 1 пѣвецъ, 1 органистъ, 1 шерстобой, 1 сокольникъ, 1 штукатуръ, 1 мастеръ для варенія квасцовъ, другой для варенія сѣры, 4 золотаря, 1 площильникъ (плющильникъ?), 1 переплетчикъ, 1 портной [3]).

Исторія посыла царемъ Иваномъ Васильевичемъ Ганса

---

[1]) Грамота императора Шлиттену, которою дается просимое дозволеніе,— отъ 30-го Января 1548-го года, см. ее у *Іосифа Фидлера* въ статьѣ: Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Römischen Kirche im sechzehnten Jahrhundert, Wien, 1862, S. 54 (называется въ грамотѣ Schlette'номъ).

[2]) О Гансѣ Шлитте или Шлиттенѣ см. у *Карамз.* въ Ист., VIII, 70, и у *Аделунга* въ Критико литературномъ обозрѣніи путешественниковъ по Россіи, русск. перев ч. I, № 43, стр. 133. Изъ договора Шлиттена съ Штембергомъ (см ниже), который заключенъ былъ 1-го Августа 1550-го года, видно, что къ этому 1-му Августу 1550-го года Шлиттенъ былъ уже на свободѣ послѣ почти двухлѣтняго сидѣнія въ тюрьмѣ,—у *Тургенева* въ Historica Russiae Monumenta I, № LXX, p. 135.

[3]) У *Карамз.*, т. VIII, прим. 206.

Шлиттена въ западную Европу для приглашенія ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ, о которой совершенно ничего нѣтъ въ нашихъ русскихъ источникахъ и о которой мы знаемъ изъ источниковъ западныхъ и отъ самого Шлиттена, есть исторія темная. Думать, чтобы она была чистой выдумкой Шлиттена, который несомнѣнно представлялъ собою весьма и чрезвычайно большаго авантюриста [1]), т. е. предполагать, чтобы Шлиттенъ совсѣмъ самозванно выдавалъ себя въ Германіи за агента государева, какъ будто нельзя. Вѣроятно, что ему поручено было или что онъ самъ навязался достать съ родины какихъ либо ремесленниковъ и мастеровъ. Но что ему не было поручаемо приглашать всѣхъ тѣхъ людей, которые значатся въ приведенномъ нами, принадлежащемъ ему, спискѣ, это не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо, конечно, не было же поручаемо ему приглашать ѳеологовъ.

Такимъ образомъ, относительно типографщика, который значится въ спискѣ Шлиттена, можно думать (предполагая, что списокъ не есть сочиненіе и что типографщикъ дѣйствительно былъ въ числѣ приглашенныхъ) какъ то, что онъ приглашонъ былъ по порученію государя, такъ и то, что онъ приглашенъ былъ по собственному усмотрѣнію Шлиттена. Что необходимо думать послѣднее, иначе сказать—что первую мысль царя Ивана Васильевича о заведеніи въ Москвѣ типографіи не должно относить къ 1547-му

---

[1]) Бывъ за границей, онъ предпринималъ соединить русскую церковь съ латинскою, утверждая и увѣряя тамъ всѣхъ, будто это соединеніе рѣшено русскимъ государемъ и будто принятіе „нашей христіанской (т. е. латинской) вѣры“ и введеніе ея во всѣхъ княжествахъ и областяхъ страны ставляетъ его - государя желаніе. О чудовищномъ и вмѣстѣ забавномъ предпріятіи Шлиттена, осуществленіе котораго онъ поручилъ другому лицу, - принятому имъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1550-го года на службу русскаго государя (само собою разумѣется, что совершенно безъ вѣдома послѣдняго) нѣкоему Іоанну Штембергу или Штейнбергу, см. у *Фидлера* въ указанной статьѣ, S. 22 fin. sqq, у *Пихлера* въ Geshichte der kirchlichen Trennung, II, 65 sqq, и кратко у *преосв. Макарія* въ Исторіи, VШ, 386, а относящіеся къ предпріятію документы кромѣ и ранѣе Фидлера напечатаны у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, I, № CXX, p. 134 sqq (есть въ нихъ нѣчто недоумѣнное и подозрительное). Еще нѣкоторые документы, относящіеся ко всей исторіи Шлиттена, см. въ 1 кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1893 г., въ статьѣ: „Датскій архивъ“, стр. 288 sqq.

году, это видно изъ дѣяній Стоглаваго собора, бывшаго въ 1551-мъ году. Въ одномъ изъ своихъ вопросовъ къ собору царь говоритъ о неисправномъ писаніи книгъ писцами: „божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ (списковъ), а написавъ не правятъ же: опись къ описи прибываетъ и недописи и точки непрямые; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ и (ученики) учатся и пишутъ съ нихъ: что о семъ небреженіи и о великомъ нашемъ нерадѣніи отъ Бога будетъ по божественнымъ правиломъ?“ (изъ 37-ми первыхъ вопросовъ вопросъ 5-й). Если бы у государя уже прежде собора была мысль о заведеніи въ Москвѣ типографіи: то или онъ самъ заявилъ бы собору о необходимости скорѣйшаго осуществленія мысли или соборъ просилъ бы его объ этомъ, ибо заведеніе типографіи было единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ устранить неисправности богослужебныхъ книгъ. Между тѣмъ ни царь ни соборъ ничего не говорятъ о типографіи, и второй въ отвѣтъ на представленіе перваго предписываетъ совсѣмъ иную (весьма недѣйствительную) мѣру къ устраненію неисправностей въ книгахъ (поручаетъ дозирать книги протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ, — Стоглава гл. 27 и 28).

Въ послѣсловіи къ первопечатному московскому апостолу 1564-го года говорится о заведеніи въ Москвѣ типографіи: „повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, и благословеніемъ пресвященнаго Макарія митрополита, начаша изыскивати мастерства печатныхъ книгъ въ лѣто 61 осмыя тысящи, въ 30 лѣто государьства его“ [1]). Основываясь на этомъ, документальномъ и какъ бы оффиціальномъ, свидѣтельствѣ уже съ полною увѣренностію относятъ первыя заботы о заведеніи типографіи въ Москвѣ къ 1553-му году. Но тутъ странное недоразумѣніе, не совсѣмъ понятнымъ для насъ образомъ—до сихъ поръ не обратившее на себя (сколько знаемъ) ничьего вниманія. Царь Иванъ Васильевичъ началъ государствовать въ 1533-мъ году и въ 1553-мъ году было не 30-е, а 20-е лѣто его государства, такъ что въ предисловіи къ апостолу несомнѣнная ошибка или въ годѣ отъ С. М.,—

[1]) Въ Описаніи старопечатныхъ книгъ гр. Толстова, № 16, стр. 27.

„въ лѣто 61“ вмѣсто „въ лѣто 71“, или въ годѣ государства,—„въ 30 лѣто государьства“ вмѣсто „въ 20 лѣто государьства“. Съ рѣшительною вѣроятностію ошибку должно видѣть въ годѣ отъ С. М. и вмѣсто „въ лѣто 61 осмыя тысячи“ читать „въ лѣто 71 осмыя тысячи“, что̀ будетъ 1563-мъ годомъ отъ Р. Х. Въ томъ же послѣсловіи говорится, что царь началъ помышлять о заведеніи въ Москвѣ типографіи послѣ учрежденія Казанской епархіи (такъ какъ при покупкѣ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ для церквей новооткрытой епархіи оказалась крайняя неисправность этихъ книгъ). Но Казанская епархія учреждена въ Февралѣ 1555-го года. Да и самъ Иванъ Ѳедоровъ, въ устраненіе всякихъ споровъ, исправляя потомъ ошибку, допущенную имъ въ предисловіи къ московскому апостолу 1564-го года, исправляетъ ее именно такъ, какъ мы указываемъ; въ предисловіи къ львовскому апостолу 1573-го года онъ говоритъ: „друкарня сія сътавися въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7071, въ тридесятое лѣто государства (благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи)“ [1]).

Первыя заботы объ устроеніи въ Москвѣ типографіи начались не въ 1553-мъ году, а позднѣе; но и не въ 1563-мъ году, а ранѣе. Въ послѣдствіи къ апостолу 1564-го года говорится не о первыхъ, а уже о вторыхъ или вторичныхъ заботахъ, непосредственно предшествовавшихъ напечатанію апостола и плодомъ которыхъ было это напечатаніе послѣдняго. Мы сказали, что, по свидѣтельству послѣсловія къ апостолу, царь началъ заботиться объ учрежденіи въ Москвѣ типографіи послѣ открытія Казанской епархіи, которое имѣло мѣсто въ Февралѣ мѣсяцѣ 1555-го года. Должно думать, что къ заботамъ этимъ государь обратился болѣе или менѣе вскорѣ послѣ открытія епархіи; а во всякомъ случаѣ мы находимъ въ Москвѣ „мастера печатныхъ книгъ“ ровно черезъ годъ послѣ открытія епархіи въ Февралѣ мѣсяцѣ 1556-го года. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о первомъ мастерѣ печатныхъ книгъ, не успѣвшемъ завести типографіи и ничего не напечатавшемъ, ограничиваются только тѣмъ, что изъ двухъ царскихъ указовъ отъ 9-го Февраля и отъ 22-го Марта 1556-го года, говорящихъ не о книгопечатаніи, мы знаемъ

[1]) Ibid. № 18, стр. 32.

его имя, которое есть — Маруша Нефедьевъ [1]). Вѣроятно думать, что Маруша, какъ-то и отъ кого-то выучившійся типографскому искусству, внезапно похищенъ былъ смертью во время приготовленій къ печатанію книгъ.

Вторыя или вторичныя заботы о заведеніи въ Москвѣ типографіи, окончившіяся дѣйствительнымъ ея заведеніемъ и начатіемъ книгопечатанія, послѣ значительнаго медленія, въ объясненіе котораго пока мы ничего не можемъ сказать, имѣли мѣсто въ 1563-мъ году. По яснымъ рѣчамъ послѣсловія къ первопечатному апостолу, дѣло было такъ, что въ этомъ 1563-мъ году (но не ранѣе, и съ той только оговоркой, что по тогдашнему сентябрьскому счету 1563-й годъ начался не съ 1-го своего Января, а на четыре мѣсяца ранѣе, съ 1-го Сентября 1562-го года) царь приказалъ построить и устроить типографію и что въ скоро построенной и устроенной типографіи и началось 19-го Апрѣля этого года печатаніе.

Должно быть признано совсѣмъ неосновательнымъ не совершенно еще оставленное мнѣніе, будто книгопечатники 1563-го года,—діаконъ Гостунскаго собора Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ мстиславецъ, устроили типографію и работали подъ руководствомъ датчанина Ганса Миссенгейма (Bogbinder'a, что̀ есть тоже что нѣмецкое Buchbinder—переплетчикъ, каковымъ былъ Миссенгеймъ по своему ремеслу, тогда гораздо болѣе важному, чѣмъ въ настоящее время). Датскій король Христіанъ III, присылавшій въ 1552-мъ году къ царю Ивану Васильевичу Ганса Миссенгейма съ предложеніемъ государю принять лютеранство, посылалъ ему съ Миссенгеймомъ библію и двѣ книги, содержавшія лютеранское вѣроученіе, относительно которыхъ писалъ въ своей къ нему грамотѣ: „посылаемъ возлюбленному вашему братству искренно возлюбленнаго слугу и подданнаго нашего Іоанна Миссенгейма съ библіей и двумя другими книгами, въ которыхъ содержится сущность нашей христіанской вѣры, и это сдѣлали мы съ такимъ намѣреніемъ: въ случаѣ, если митрополиту, патріархамъ (и) епископамъ возлюбленнаго вашего братства и прочимъ вашимъ клирикамъ угодно будетъ наше предложеніе (о при-

[1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 96, стр. 148.

нятіи русскими лютеранства) и если понравятся имъ сіи двѣ книги одинаково съ библіей и будутъ ими одобрены, то этотъ же нашъ слуга постарается напечатать эти книги, переведши на вашъ языкъ, во многихъ тысячахъ экземпляровъ, дабы такимъ образомъ въ продолженіе немногихъ лѣтъ могъ принести великую пользу вашимъ церквамъ и прочимъ вашего возлюбленнаго братства подданнымъ, ревнующимъ о славѣ Христовой и о своемъ спасеніи“ [1]). Слова короля о Гансѣ Миссенгеймѣ: „постарается напечатать эти книги во многихъ тысячахъ экземпляровъ“ были поняты учеными такъ, что Миссенгеймъ устроитъ типографію въ Москвѣ и въ ней напечатаетъ книги во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Но контекстъ рѣчи въ грамотѣ короля ясно говоритъ за другое пониманіе. Послѣ приведенныхъ нами словъ король проситъ царя, чтобы этотъ, выслушавъ Миссенгейма и условившись съ нимъ относительно вознагражденія (подразумѣвается—за напечатаніе книгъ: послѣ того, говоритъ король, какъ de pretio inter vos convenerit), наивозможно скорѣе (quam celerrime) отпустилъ его обратно. Изъ этой просьбы короля съ полною ясностію слѣдуетъ, что по его мысли Миссенгеймъ долженъ былъ перевести книги на славянскій языкъ у себя дома и напечатать ихъ въ одной изъ домашнихъ типографій, чтобы потомъ, подразумѣвается, съ готовыми книгами возвратиться въ Россію. Но если бы и понимать слова грамоты короля такъ, какъ ихъ понимаютъ: то изъ нихъ нисколько не будетъ слѣдовать, что Миссенгеймъ долженъ быть считаемъ учредителемъ типографіи въ Москвѣ. Вѣроятно ли предполагать, чтобы царь поручилъ учрежденіе въ Москвѣ типографіи для печатанія „божественныхъ“ книгъ такому человѣку, который являлся къ нему съ предложеніемъ лютеранской ереси, т. е. который былъ не просто еретикомъ, но и пропагандистомъ ереси? Да и не откуда не видно и не извѣстно, чтобы Миссенгеймъ былъ типографщикомъ, а если нѣкоторые предполагаютъ это, то совершенно безъ всякаго

---

[1]) Грамота Христіана въ латинскомъ подлинникѣ, съ русскимъ переводомъ, напечатана *И. М. Снегиревымъ* въ IV томѣ Русскаго историческаго сборника, издававшагося Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, въ статьѣ: „О сношеніяхъ Датскаго короля Христіана III съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ“.

основанія. Заключеніе, очевидно, составилось такимъ образомъ, что въ 1552-мъ году король предлагалъ напечатать книги, а къ слѣдующему 1553-му году, на основаніи ошибочно понятаго послѣсловія къ апостолу 1564-го года, относили начало заботъ объ учрежденіи въ Москвѣ типографіи, т. е. одно ставили въ связь съ другимъ. Въ дѣйствительности, какъ мы сказали, заботы начались не въ 1553-мъ году, а въ 1555—1556-мъ году.

Какимъ образомъ и у кого научились типографскому искусству діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ мстиславецъ, пока остается совершенно неизвѣстнымъ. Представляется вѣроятнымъ думать, что починъ шолъ отъ Петра Тимоѳеева. Онъ называется мстиславцевымъ, конечно, потому, что былъ урожденецъ города Мстиславля, въ настоящее время уѣзднаго города Могилевской губерніи. Мстиславль принадлежалъ тогда Польшѣ, а у поляковъ въ Краковѣ въ половинѣ XVI вѣка было уже четыре или пять типографій, такъ что выучиться тамъ типографскому искусству для человѣка, желавшаго выучиться, не составляло особеннаго труда. Ознакомившись съ типографскимъ искусствомъ Петръ Тимоѳеевъ отправился въ Москву, чтобы въ этой послѣдней сдѣлать приложеніе изъ пріобрѣтеннаго имъ знанія. Какъ человѣкъ чужой въ Москвѣ, онъ не могъ дѣйствовать въ ней самъ собой, почему и подъискалъ въ товарищи себѣ природнаго москвича, каковымъ былъ Иванъ Ѳедоровъ (ставшій потомъ энтусіастомъ типографскаго дѣла какъ художества, посредствомъ котораго духовная сѣмена во вселенной разсѣваются). Считаемъ мы вѣроятнымъ производить починъ отъ Петра Тимоѳеева потому, что при такомъ представленіи дѣла становится для насъ понятнымъ его товарищество съ діакономъ Иваномъ Ѳедоровымъ. Напротивъ, если бы полагать, что послѣдній какъ-то выучился типографскому искусству самъ собой, то было бы для насъ совсѣмъ непонятнымъ, зачѣмъ нуженъ ему былъ въ товарищи этотъ мстиславецъ Петръ Тимоѳеевъ. Въ одномъ сказаніи объ учрежденіи въ Москвѣ типографіи діакономъ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Тимоѳеевымъ читаемъ: „глаголютъ же нѣцыи о нихъ, яко отъ самѣхъ фрягъ то ученіе пріяста; повѣствуетжеся отъ нѣкихъ, яко преже ихъ нѣцыи, или будетъ и они сами, малыми нѣкими

и неискусными начертаніи печатываху книги, послѣди же совершеннѣ тои Іоаннъ да Петръ искусъ пріяста отъ тѣхъ прежереченныхъ фрягъ“ [1]). Въ дѣлѣ книгопечатанія важнѣйшее составляетъ не набираніе словъ изъ буквъ и не печатаніе (тисканіе) наборомъ, а изготовленіе буквъ: набирать слова и печатать можно выучиться и по слуху; но другое дѣло — изготовленіе буквъ: здѣсь уже необходимо настоящее „выученное“ или пріобрѣтенное ученіемъ искусство. На основаніи приведенныхъ словъ сказанія можно представлять себѣ дѣло такъ, что діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, обучившись искусству книгопечатанія или дошедши до искусства книгопечатанія въ смыслѣ набора словъ и тисканія, первоначально сами хотѣли было справиться и съ изготовленіемъ буквъ и что когда это не удалось имъ, то правительство и выписало для нихъ изъ-за границы настоящихъ словолитцевъ или вообще словоизготовителей. Если представлять дѣло такимъ образомъ: то неудавшіяся хлопоты діакона и его товарища надъ изготовленіемъ буквъ нужно будетъ относить не къ тому пространству времени, которое мы указали выше, какъ пространство времени, въ которое заведена въ Москвѣ типографія, а ко времени предшествующему, — не къ 1563-му году, а или къ 1562-му году или къ 1562-му и 1561-му годамъ. [2])

---

[1]) См. Описанія старопечатныхъ книгъ Царскаго, стр. 439.

[2]) Извѣстно нѣсколько славянскихъ печатныхъ книгъ, которыя должны быть относимы къ первопечатнымъ и которыя были выпущены въ свѣтъ безъ выходовъ, т. е. безъ означенія мѣста и времени изданія; большинство нашихъ библіографовъ считаютъ книги за произведенія типографій южныхъ, т. е. южно-славянскихъ или угровлахійскихъ, но нѣкоторые изъ библіографовъ находятъ за вѣроятнѣйшее видѣть въ нихъ книги московской печати. Покойный А. Е. Викторовъ, держась послѣдняго мнѣнія о книгахъ и соображая ихъ наличность съ приведенными словами сказанія объ учрежденіи въ Москвѣ типографіи: „повѣствуется же отъ нѣкихъ, яко преже ихъ нѣцыи“ и пр., высказывалъ предположеніе, что эти безвыходныя книги представляютъ собою именно книги, которыя напечатаны были въ Москвѣ до апостола 1564-го года малыми и неискусными начертаніями, см. его статью: „Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго апостола 1564 года?“ читанную на Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ и напечатанную во 2-мъ томѣ Трудовъ этого съѣзда. Но предположеніе не можетъ быть признано за вѣроятное. Книги, о которыхъ идетъ рѣчь, напечатаны настоящими буквами (только иныхъ шрифтовъ, чѣмъ какой въ первопечатномъ апостолѣ) и совершенно годны къ употребленію, тогда какъ

Итакъ, о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ должно быть сказано слѣдующее: первая мысль о заведеніи въ ней типографіи явилась у царя Ивана Васильевича (вмѣстѣ съ митр. Макаріемъ) не въ 1547-мъ и не въ 1553-мъ, а въ 1555—56-мъ году; первымъ мастеромъ печатныхъ книгъ, который, по всей вѣроятности — за случившеюся смертію, ничего не сдѣлалъ, былъ Маруша Нефедьевъ, упоминаемый въ Февралѣ и Мартѣ мѣсяцахъ 1556-го года; вторые книгопечатники діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ мстиславецъ устроили по порученію государя типографію въ 1562-мъ году, при чемъ, можетъ быть, болѣе или менѣе продолжительное время прежде сего хлопотали надъ типографскимъ дѣломъ (изготовленіе буквъ) частнымъ образомъ; если нѣмецъ Гансъ Шлиттенъ и дѣйствительно приглашалъ было типографщика въ Россію, то не по порученію царя, а по собственному произволу, а датчанинъ Гансъ Миссенгеймъ не долженъ быть считаемъ руководителемъ Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева въ устроеніи типографіи.

Е. Голубинскій.

въ словахъ сказанія: „малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги“, очевидно, говорится о попыткахъ печатать книги такими плохими буквами, которыя дѣлали ихъ негодными къ употребленію (почему буквы и называются не буквами, а начертаніями), такъ что книги эти, какъ должно думать, бывъ начинаемы печатаніемъ, не были допечатываемы до конца и не были выпускаемы въ свѣтъ, а какъ неудачныя попытки были уничтожаемы. Мнѣніе, что книги, о которыхъ идетъ рѣчь, суть книги московскія, едва ли не должно быть предпочитаемо мнѣнію большинства библіографовъ. Въ такомъ случаѣ самое вѣроятное будетъ о нихъ думать, что онѣ представляютъ собою книги потайной печати (подразумѣвается. конечно,—чьей либо частной), нѣсколько попытокъ которой могло быть сдѣлано на Москвѣ послѣ бѣгства отсюда Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева и вообще въ продолженіе времени до конца XVI столѣтія.

Печатать дозволяется. Сергіевъ Посадъ, Декабря 30 дня 1894 г.
Ректоръ Академіи Архимандритъ Антоній.

Оттискъ изъ № 2 Богословскаго Вѣстника за 1895 г.

302 *2-я типографія А. И. Снегиревой, въ Сергіевомъ Посадѣ, Моск. губ.*

Общественных Наук
Академии Наук СССР